

Хузангай, А. Бросок на юг

Народного поэта Чувашии Педера Хузангая (1907 - 1970) всегда отличала особая «тяга в дорогу», желание увидеть мир и страну своими глазами. Маршруты его «поэтических» путешествий были дальними и проходили через многие республики и районы нашей страны, зарубежные страны. Общение с людьми, высокая дружба с поэтами-представителями самых разных культур сопровождали поэта в жизни, грели душу огнем соучастья и побуждали его знакомить в свою очередь чувашских читателей с образом мировосприятия другого народа. Перефразируя Гете, можно сказать, чтобы знать страну, надо знать ее истинных поэтов. Это чувство было одним из ведущих мотивов во всем творчестве поэта и было стимулом в его большой переводческой деятельности.

Самым первым по времени путешествием поэта была поездка в Среднюю Азию и Кавказ в 1926 - 1927 годах. П. Хузангай побывал в среднеазиатских городах-жемчужинах Бухаре и Самарканде, работал разнорабочим, статистиком и, живя сравнительно долгое время в Ашхабаде, принимал участие в переписи местного населения.

Что же было за плечами тогда еще совсем молодого, 19-летнего поэта? Восьмилетняя сельская школа, глухие зимние вечера, чувашские песни в исполнении матери, чтение первых шедевров родной поэзии по книге «Сказки и предания чуваш» (1908), изданной просветителем, создателем чувашской письменности И. Я. Яковлевым (1848 - 1930), некоторое знание русской поэтической классики. Далее, Чебоксары, ставшие совсем недавно столицей Чувашской автономной республики, первые шаги на литературном поприще и пронзительное ощущение новизны происходящего вокруг и в нем самом, что требовало резкого немедленного выхода в стихию стиха:

Мелодия серебряного кэсле*.

Напев сарная**

Звенит, переливается по-новому...

Ах, родина моя! Благослови:

И я превращу в кэсле

Мое молодое сердце.

(«Родина, благослови!», 1924, подстрочный перевод)

Выйдя за деревенскую околицу, молодой Хузангай сразу почувял погудку дальних дорог - словно ветром распахнуло душу.

Лирические циклы «Черное покрывало», «Южные мотивы» и примыкающие к ним вещи из цикла «Савни» («Милая»), на основе которых составлена подборка стихотворений, предлагаемая ныне читателям альманаха «Дружба», до сих пор остаются любимым чтением широкого круга читателей. В них явственно ощутим ветер странствий, ветер - сейчас уж далекого - времени, формировавший характер личности в новую эпоху. Но не только в этом значение этих стихов.

...Чувашская песня, а также дореволюционная авторская поэзия, во многом зависевшая от поэтики песни, всегда отличались чрезвычайной сдержанностью и в известной степени «закрытостью» во всем, что касалось сферы интимных чувств и переживаний. В этом была особая целомудренная чистота. Кроме того, чувашская песня никогда не была «экзотичной» в смысле показа реалий чувашской жизни. Она была скромна, как чувашская девушка-пиге в своем платье, изысканно отделанном (без использования кричаще-яркого цвета) вышивкой тэре, и в полном убранстве украшений из переливающегося серебра. Все, что волновало и томило девушку и юношу в пору их цветенья, согласно неписаному этическому канону, не могло получить открытого выражения. о нем лишь можно было дать знать путем косвенных намеков и как бы непреднамеренных оговорок. И в своем обиходном речевом этикете чуваш, как правило, скрытен, как бы таится за ритуализированностью словесных клише. Такова же безличность устной народной словесности, ибо само понятие личностного, волевого начала, вошло в чувашскую поэзию только с творчеством Сеспеля Мишши (1899 - 1922), поэта-революционера, утвердившего в чувашском стихе силлабо-тонику, который впервые выразил трудные, а порой даже трагичные противоречия внутреннего сознания человека.

Вот эта традиция личностного (когда стихотворение не только описывает состояние внешнего мира, но и является - прежде всего - слепком с собственной души) стала определяющим моментом в лирике Хузангая, а также некоторых других поэтов его поколения. При чем личностное ни в коей мере не отменяло народного начала, в зрелом творчестве поэта они естественно дополняют друг друга.

Ведь неспроста, подойдя к Тимурову дворцу, поэт ощущает себя наследником Пюлера и Суvara, этих древних, некогда цветущих городов Волжской Булгарии (VII - XIII вв.), развалины которых находятся как раз неподалеку от родной деревни Хузангая Сиктерме (ныне село Хузангаево Алькеевского района Татарии), куда, как он вспоминает, чуваши окрестных деревень ходили на поклонение для совершения жертвоприношений. Память народа сохранила образ Золотого века Булгарии в преданиях, легендах, мифах. Отсюда и понятен этот юношеский бросок на юг, так как болгары-сувары, последний всплеск хуннских кочевых орд и ядро сформировавшейся на их основе позднее чувашской народности, еще в первых веках прошли степями Средней Азии, обосновались между Понтом Евксинским* и Гурганским морем**, а в седьмом веке поднялись по Итилю (современное чувашское - Атал)*** в Волжско-Камское междуречье. Недаром в одном из своих последних стихотворений поэт напишет:

Что ж, ведь пути земли

Когда-то пас через полсвета

На север привели. Но с южной кровью нет покоя -

Вновь сердце бередит.

Тысячелетнюю тоскою

Оно горит, горит...

(Перевод А. Казакова)

«Ориентализм» Хузангая в предлагаемых стихах несомненно имеет (помимо вышеуказанных глубинных мотивов) и непосредственно близкий источник. Стихи из цикла «Черное покрывало» по своему внутреннему сюжету, по приемам лепки образа «восточной красавицы», в строфической

композиции и метрике восходят к «Персидским мотивам» Сергея Есенина. В общем, это подражание в том старинном смысле, в каком понимался этот жанр, например, Пушкиным при создании «Подражаний Корану». Воображаемая мифическая Персия у чувашского поэта менее красочна, мы не найдем здесь «синих цветов Тегерана» (и, вообще, всего этого розария), «месяца желтой прелести», «сиреневых ночей», «поцелуев, веющих красной розой», и т. д., которые у Есенина создают колорит «голубой да веселой страны». Зато в избытке чувашский поэт усвоил уроки «красивого страданья», причиненного дево́й-персиянкой. По-своему это понятно и оправданно для того периода промежутка.

Можно сказать, что лирика молодого Хузангая научила его чувашскую аудиторию я з ы к у л ю б в и. И это было действительно открытием. Тайные пружины сердца дали импульс горячему току крови, диалектика любви - от безысходной тоски до порыва страсти, от непреодолимой тяги двоих друг к другу до резкого охлаждения, разрыва - все эти «перебои чувства» обрели свою образность, лексику, ясные, пластичные формулы выражения. Лирическое стихотворение - впервые в чувашской поэтике! - уподобилось странице, вырванной из дневника, оно заговорило открыто о несказанном, что максимально приблизило личность поэта к читателю (чтение стихотворения как разговор с близким другом) и способствовало индивидуализации поэтического мироощущения в целом. Конечно же, для европейской поэзии (русской, в частности) все это было давно пройденным этапом, это были азы, когда как в то время она уже занималась, если так можно выразиться, «высшей математикой любви». Не говоря уж о классической восточной поэзии с ее развитой системой символических иносказаний, начиная с поэтов суфийского толка до Хафиза, Саади, Хайяма.

Это действительно был урок откровенного стихового высказывания. Кроме того, стихи того времени сыграли большую роль в показе возможностей силлабо-тонической метрики, которая была внове для чувашского стихосложения. Завораживающая напевность, закругленность отдельной строфы и стихотворения в целом дали простор поэтическому слову.

Оно заиграло, расцвело, ибо было взято на одном дыхании, на плавной стиховой интонации.

Книга «Уяртсан» («Когда прояснится...») - первая книга Педера Хузангая, куда вошла некоторая часть стихов, написанных в этом Первом «странствии», была опубликована в 1928 году в Чебоксарах уже после возвращения с юга. Это был первый значительный шаг на творческом пути поэта, автора более 50 стихотворных книг, лауреата республиканских премий имени К. Иванова и М. Сеспеля. П. Хузангай был прежде всего поэтом-лириком, но также оставил в своем творческом наследии роман в стихах «Род Аптрамана», классические образцы поэмы, такие как «Здравствуй, Пушкин», «Таня» (О Зое Косьмодемьянской), «Моя Россия», «У Сергея Есенина», «Портрет моей матери». Он был инициатором и вдохновителем многих культурных начинаний в республике.

На русском языке эти стихи публикуются впервые.

Дружба. – 1987. – № 1. – С. 169-172.